

ваются далекие копры и терриконы, легкий ленивый дымок над ними; на завтра наплывут с юга теплые волны воздуха, и вдруг, среди зимы, заморосит дождь, но снег и не подумает таять. На следующее утро взглянете в окно — опять на дворе трещит добрый русский мороз, снег под солнцем горит и искрится, словно его приготовили для игрушек на елку.

Деревья стоят такие, какие и в сказках не бывают: все в бриллиантах, жемчуге и алмазах. Мороз потрудился над каждой веткой, над каждым неопавшим листом. Акации стали краше, чем в пору своего цветения. Все щедро облитое, разукрашено, запущено серебряным инеем, играет и переливается на солнышке колючими голубыми огнями. Ветер злобно гнет деревья, ударяет по сучьям — иней не осыпается, словно деревья так и выросли снежными.

Зимой 1940 года мы редко бывали одни. Приходили шумной ватагой товарищи Олега, девушки, сослуживцы дяди Николая, мои знакомые. Шум, споры, смех, песни и танцы без конца. Бабушка угощала гостей радушно, по-украински. Из всех нас не танцевала только она одна, но обязательно присутствовала тут же.

## ШКОЛА ИМЕНИ ГОРЬКОГО

Я работала в детском саду шахты № 12, Олег учился в седьмом классе школы № 1 имени Горького.

До Октябрьской революции Донбасс был неприветливым краем, суровой мачехой для рабочих. Шахтеры изнемогали от работы под землей по четырнадцать часов в сутки, трудясь без машин, с одним обушком, гибли под обвалами в шахтах. Сироты шахтеров вставали на место отцов или шли по миру.